

Писахова

– Дорогой Степан Григорьевич! Имею честь сообщить вам, что сегодня «Сказки Писахова» подписаны к печати.

– Андели, андели! Спасибо, Константинушко! Давай чай пить; у меня в запахе очень хороший, из Москвы ещё привёз... Тираж не сбавили? Десять тысяч?

– Не сбавили.

Вскоре книга будет напечатана в архангельской типографии имени Склепина издательства «Правда Севера», что на проспекте Сталинских ударников, в бывших Гостиных дворах. Почитатели Писахова будут снова восхищаться его неумной фантазией, смеяться над попом Сиволдаем, чиновниками, губернатором, полицейскими. Врезал им опять писатель!..

«Не моё это дело – останавливать фантазии полёт», – говорил Степан Григорьевич.

Добро на вторую книгу дала Москва: в Архангельске решили подстраховаться – сказки вроде и наши, но очень уж непривычные...

Рукопись обсуждали в Союзе писателей в апреле 1940 года – одобрили. По мнению биографа С. Г. Писахова И. Б. Пономарёвой, «потеряв над собой контроль, в состоянии некоторой эйфории после удачного обсуждения» Писахов проговорился о своём социальном происхождении: «Мне даже предлагали в Архангельске переехать на другую квартиру, чтобы не так заметно было, что я сын ювелира, а то здесь железные ставни на окнах. Но я говорю: я здесь родился и никуда не уйду».

«Не в оговор сказать – книга нашла читателей!», – радовался Писахов.

В Москве на книгу опубликованы обстоятельные рецензии. В частности, в «Литературном обозрении» выступил журналист Павел Безруких (1941 год, № 2). Сначала – похвала советской власти: «Всю жизнь он стремился использовать своё исключительное знание местного фольклора и неисчерпаемые богатства северного говора; мечтал осуществить непреодолимую тягу к сказочному творчеству. Но только после Великой социалистической революции он смог посвятить себя любимому делу и развернуть своё прекрасное дарование мастера сказки».

Писахов долго искал свой путь в литературе – писал очерки, попытался написать роман; нашёл бы путь и без революции.

Публикация в журнале «Тридцать дней» первых сказок заинтересовала «любителей, специалистов – собирателей фольклора, писателей, артистов. Сказки Писахова начинают передаваться по радио, исполняться с эстрады», – продолжаю цитировать бывшего редактора журнала «Тридцать дней» Безруких.

Затем – история со сказкой «Морожены волки», которая опубликована в третьем номере журнала «Тридцать дней» за 1937 год. Через год «нам пришлось слышать сказку под названием «Мёрзлые волки». Герой, от лица которого рассказывается сказка, не Малина, как у Писахова, а дядько Опанас... Совпадение сказок нас заинтересовало, и, расспросив рассказчика, мы установили путь сказки.

Сказку эту рассказывал по-украински полтавский житель Охрим Крамаренко, потом её «в вольном переводе» передала внучка Охрима Галя, а с её слов записал литератор Соловьёв, от которого мы эту сказку узнали. А Охрим Кра-

маренко говорил внучке, что сказку ему читал сын «у якомсь журнале с малюнками». Нет никаких сомнений, что сказка Писахова «Морожены волки» совершила путешествие на Украину, восприняла местный колорит в передаче Охрима Крамаренко и его внучки и в новом виде появилась в Москве».

Говоря о сказке «Персица монета», Безруких назвал фантастику Писахова «изумительной». Есть в рецензии и другие хвалебные эпитеты.

«За едой мы смирны...»

С. Г. Писахов говорил, что с деньгами «никогда не дружил». Очередной период безденежья – Великая Отечественная война и после неё. Если бы сказки писались, – можно было бы выправить финансовое положение. Но Степан Писахов «в творческом отношении считает себя неспособным. Предположено Архангельским Облгизом выпустить отдельные старые сказки Писахова», – из записки главы областного отделения Союза писателей Константина Конищева в Союз писателей СССР и в обком компартии о работе отделения Союза на 1 апреля 1947 года (цитата из дела Госархива Архангельской области). Может быть, и прибрелся Степан Григорьевич, не был со своим начальником откровенным. Но, с другой стороны, звёздные часы его уже в прошлом. Что подделаешь... В 1946–1947 годах в альманахе «Север» опубликованы только сказка «Осётр» и записки «На Новой Земле».

Осётр, пойманный Малиной, огромен. Два немца – прежнего времени, не сороковых годов – решили обязательно увезти его в Германию: «Этаку рыбу нельзя русским оставлять, эта рыба большу сытость даёт, большу силу. Русские отъедятся, в силу войдут – тогда с ними ни ладу, ни складу, ни сговору не станет, от рук отобьются. Надобно нам все таки рыбы забирать, надо таки рыбы к нам отправлять... Така рыба у русских будет ловиться, а у нас, немец, на стол подаваться».

Актуально. Но в сборниках писаховских этой сказки нет (сужу по библиографическому указателю «Степан Писахов». Архангельск, 2012 год). Почему? Потому, что «дядя с кирпичного завода» на спор с немцами всю эту рыбку за один присест съел. Частью в виде варёном, частью в жареном, пареном, с подливами, с разными приправами. Ему ещё и мало было. Немцы остались с носом.

Составителям книг дядя показался слишком рыбообильным? А хороших едоков в Уйме – сколько хошь. На месте дяди кто-то другой запросто мог быть. «Аппетит» чересчур. Правильно ли? Однако же: «Наши сильные за работой, сильны и за едой»... Вполне бы можно публиковать «Осётра».

«Опосля на пароходе немцы совешшание вели:

– Эка сила на еде! Коли така же на работе, дак кака же сила в драке?»

Это тоже из сказки:

*За едой мы смирны,
За работой заняты,
А с дракой к нам
Не подступайся.*

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ
Фото из фондов Северного
морского музея

Земляки, прославившие Архангельскую область

Ноябрь в Санкт-Петербургском государственном университете завершился чтениями, посвящёнными двум нашим землякам – Михаилу Ломоносову и Александру Баранову

В этом году отмечается 310-летие Михаила Ломоносова и 275-летие Александра Баранова

Как и почему они сошлись в один день, что за повод и чем связаны известный во всём мире учёный Михаил Ломоносов и первый правитель русских поселений в Северной Америке Александр Баранов?

«Следует знать историю Отечества. Только ведая об истоках, можно постигнуть смысл дел настоящих и устремить ясный взгляд в будущее», – говорил Михаил Васильевич Ломоносов.

– Ломоносов и Баранов – это история нашей страны. Эти два имени прославили Россию, – открыл мероприятие Евгений Калинин, организатор чтений.

Он говорил, что до сих пор случаются несправедливости в научном мире в отношении Ломоносова. Например, в конференц-зале Менделеевского центра стену украшают мозаичные портреты великих химиков Санкт-Петербурга во главе с Менделеевым. Но среди них нет портрета Ломоносова. Хотя Ломоносов был профессором химии!

– Когда Ломоносов вернулся после стажировки из Германии в Россию и был принят в Петербургскую академию наук, на химию тогда смотрели как на искусство. В XVIII веке самое большое количество книг, изданных в России, было посвящено алхимии. Ломоносов в Германии обучался минералогии, горному делу и химии, – рассказывает Евгений Олегович. – А в России тогда не было учёных химиков. Между тем после возвращения из Германии в Санкт-Петербургском университете Ломоносову устроили экзаменовку. Надо же было выяснить, какие знания Ломоносов приобрёл у немцев. Поскольку ни одного профессора химии среди русских учёных не обнаружилось, пришлось Ломоносову демонстрировать свои знания физики.

Так в 1741 году Михаил Ломоносов был принят в Петербургскую академию

наук, где сразу стал организовывать научную химическую лабораторию. Сохранился перечень оборудования, необходимых материалов и реагентов, составленный и переданный в канцелярию Академии наук лично Ломоносовым.

Строительство химической лаборатории – это было ноу-хау. Ломоносов считал, что занятия для студентов очень важно проводить именно в лаборатории.

Организаторы вечера рассказали, что 19 ноября, в день 310-летия Ломоносова, в Кунсткамере в честь великого русского учёного собирались его коллеги. Кунсткамера – это единственное сохранившееся до наших дней здание в Санкт-Петербурге, о котором можно сказать, что здесь работал Ломоносов. Именно в здании Кунсткамеры он описывал минералогические коллекции, а из башни исторического здания проводил наблюдения в первой российской обсерватории.

Там были представлены научные доклады, посвящённые юбилею Михаила Ломоносова: «О теории цвета и света» и о несостоявшемся проекте пантеона в стенах Петропавловской крепости.

Дороги Ломоносова и Баранова на архангельской земле развело время. А в Санкт-Петербурге они встретились благодаря современным энтузиастам.

Ещё один спикер чтений Вадим Михайлов, который в год 300-летия Ломоносова участвовал в проектах, посвящённых этой дате, вернулся с его родины, где прошли торжества, посвящённые 310-летию великого учёного. Из этой поездки он привёз в Санкт-Петербург валенки и подарил их Евгению Калинин, что было весьма кстати – в этот день Петербург завалило снегом.

Алла ВАЛУЙСКИХ
Фото Романа Зумберова

Евгений Калинин, организатор чтений, примеряет валенки, привезённые с родины Ломоносова